

Забывающие прошлое обречены пережить его вновь

Эрст
НЕИЗВЕСТНЫЙ

Ч АШЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ — первое десятилетие в России, не создавшее своего стиля. Над этим стоит задуматься. Ведь значительные исторические события, связанные с жизнью общества, всегда приводят к изменениям его знаковой культуры. Это закон. В первую очередь эти изменения касаются изобразительного искусства, напрямую связанного со знаком, символом. Затем одежды, жестов, обращения друг к другу. Французская революция вышла на улицы в тогах, наполнила новым содержанием плакаты, породила новую символику — флаги, колпаки, длинные брюки санкюотов. Наполеон не упразднил достижения революции, а только их стабилизировал и узаконил, поэтому и знаковая система, в основном, осталась прежней, но развилась в сторону классицизма. Ленин, несомненно, понимал важность внешних проявлений и формы выражения идеологии, придавал большое значение красоте и яркости празднеств, выразительности памятников. В послереволюционной России над ее знаковой системой работали такие блистательные таланты, как Мейерхольд, Татлин, Шагал. Тем более аристократическое искусство авангардистов, закладывавших основы городского дизайна, легче совместимо с народными представлениями, чем, скажем, салонная поэзия Северянина. Как мы знаем по зловещим результатам, Гитлер был одним из самых крупных мастеров монументальной пропаганды. У Сталина вкус был рептильный, но он отчетливо осознавал, как важно создать мифологию бытия, воплотить в памятниках все достижения Сталинской эпохи. И пока существовала инерция предреволюционного и постреволюционного интеллектуального движения, пока он не уничтожил цвет интеллигенции, способной творить уникальные вещи, знаковая система эпохи выстраивалась с тонким пониманием и размахом. Сталин довел монументальную пропаганду до приказа, сумел втянуть в нее последнего обывателя. Только утвердив свой средний вкус как последнюю инстанцию, он заменил блистательного андреев-

ского Гоголя на Гоголя работы Томского. Я как-то сказал Томскому, что его Гоголь похож на Бенкендорфа. Сталин сменил Гоголя на Бенкендорфа, поэтому воплощением сталинской знаковой системы стала телатница со счастливым теленком на руках или голова Маркса на площади его имени, в чье лицо заглянуть не приходило на ум ни одному человеку. Как многочасовая речь

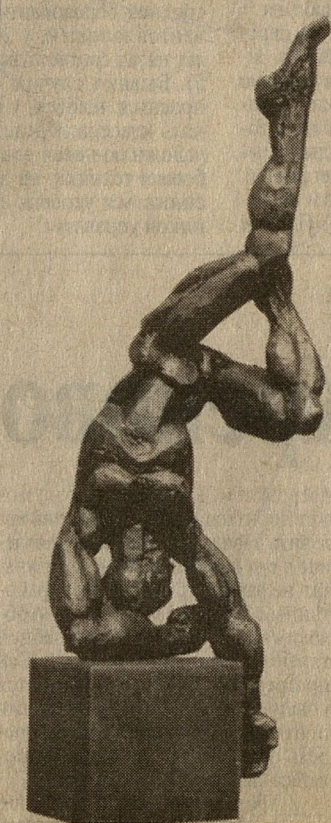

Осторожный.

произносилась не для того, чтобы кого-то в чем-то убедить, а чтобы никто не произнес другого слова. Маркс ставился не в подтверждение его величия, а чтобы там не стояло другого. Это искусство с приставкой «не» тогда появилось впервые. Дальше монументальная пропаганда развивалась вместе с развитым социализмом, становясь все эклектичнее, как и сама идеология этого общества.

Когда пришел Горбачев, я вспомнил свои слова, написанные в 1962-м, а напечатанные в 1974 году: «изменения невозможны — изменения неизбежны». Они произошли как вершинный переворот, и я надеюсь дожить до времени, когда коммунисты в Кремле запоят «Боже, царя храни». Я выступил как Кассандра, но это было не только интуитивное прозрение. Дело в том, что, будучи скульптором определенной судьбы, я был выгнан из жизни. Но если меня призывали к ней, то делалось это только на самом вершине. То есть все заказы, которые я выполнял, были заказами или Брежнева, или Косыгина. Поэтому за один день я мог пройти все

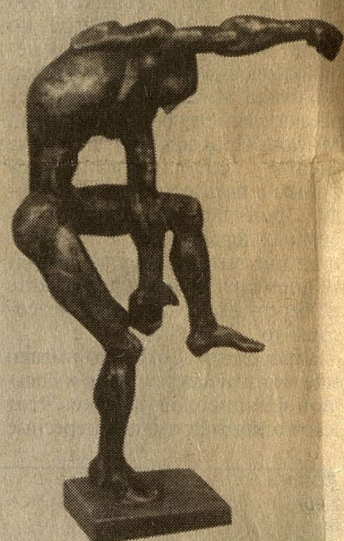
По статистике, в районах унылой застройки самоубийств случается больше, чем в обжитых частях города. Безразличный к человеку ландшафт добивает внутренне надломленного. Людям важно ощущать себя укорененными в своем городе, в истории. Недаром знакомство с достопримечательностями начинается с памятников. Памятник — это зримо явленная нам вертикаль истории, которая не с нас началась и не нами кончится. Поэтому нам совсем не безразлично, как мы будем выглядеть в глазах потомков. Неудивительно, что среди сегодняшних тревог горожанина проблема памятников вышла чуть ли не на первое место. Мысли самого известного в России скульптора о природе и назначении монументального искусства как нельзя своевременны.

Падающий.

стадии обобщения, начиная с руководителя государства и кончая проституткой, работавшей у меня натурщицей. И вот, курируя по обществу, как челнок, я заметил одну важную вещь: недиссидентов в России нет. Большого количества антисоветских речей, что я выслушал среди окружения Хрущева и Брежнева, я не слышал нигде. Нигде в стране я не видел стабильного приятия власти, и для меня, сейсмографа, это создавало ощущение неустойчивости строя. Поэтому, пророчествуя, я исходил не только из интуиции, но и из личного опыта. Перестройка Горбачева, при всей моей личной симпатии к нему, казалась мне малоэффективной, поскольку она не затрагивала основ системы.

Я не верил в социализм с человеческим лицом. Только приход Ельцина убедил, что коренные изменения возможны. Я познакомился с Ельциным, когда он не был президентом. Я проникся к нему личной симпатией и поразился тому, как этот человек точно и конкретно мыслит. В отличие от снов, меня не тревожила его некая народная заскорузлость, медленная речь и почти карикатурная основательность. Я родился на Урале, мой папа — высокого класса интеллигент — обладал всеми этими качествами. Судьба отца мне многое объясняет в моей трагедии, в моих отношениях с властью. Он, блистательный врач, был страшным антисоветчиком. Публично называл Сталина «мешком с грузинским дерьмом» и говорил, что с таким народом войну мог выиграть и Иван Калита. Он не сел в тюрь-

Измеряющий.

му только потому, что спал от смерти детей начальства, и начальство закрывало на него глаза, как на неисправимого болтуна, пьяницу, картежника. Он был спецом из уничтоженного института спецов. Я всегда хотел быть таким спецом. У меня никогда не было диссидентского сознания. Ведь диссиденты — продолжатели марксистской диалектики. Маркс был гениальным критиком капиталистической системы, но футурологом он был безобразным, его позитивная программа была никчемной. Диссидентское мышление породило то, что я называю племенем «не», племенем отрицания. Дети марксистского мировоззрения, диссиденты разделили общество по горизонтали — плохая власть, отвратительный КГБ, образованщина, а вот здесь страдающий народ. Эта схема абсолютно не годится для реальной жизни, поэтому советское общество еще ждет своего настоящего исследования.

Мне ближе пафос созидания. Я не принимал этого общества, но никогда не сводил с ним счеты. Скульптор не может быть бунтарем, он строитель. Скульптор всегда обслуживает власть религиозную, политическую, денежную. Я никогда не выступал против системы, я выступал за право работать хорошо и всегда отстаивал человеческое достоинство. И в этом уже был кризис. Помню, мне помощник Суллова передал как-то его слова: дескать, он хороший парень, но, ребята, посмотрите, как он ходит по ЦК! Они не могли простить даже другую походку. Неудивительно, что они не приняли моего творчества. У меня

уничтожено 250 работ. Москва — это моя гробница. Мой 15-метровый Прометей, не уступающий «Рабочему и колхознице», разрезан автогеном. Работа «Первые крылья», которая должна была стоять перед академией Фрунзе, уничтожена. На моем фундаменте в Зеленограде поставили Ленина, а работу, над которой я трудился семь лет, разломали. Россия должна платить мне репарации.

Но мне не это важно. Важно то, что под моим монументом в Магадане люди плачут, на мой памятник в Элисте молятся, около «Золотого дитя» в Одессе справляют свадьбы. Ко мне приходят на улицы и просят автограф, из провинции приезжают люди, мне звонят, коллекционируют даже мои пьяные рисунки на салфетках. Я не социолог, но все-таки могу предположить, что хотя бы часть общества нуждается в моих работах, готова воспринять то, что я вынес из всей моей жизни. Когда я разговаривал с Борисом Николаевичем, мне показалось, что он понимает связь исторических перемен с художественным их осмыслением и воплощением. Мои награды я расценивал в первую очередь как знак этого понимания, как надежду на расцвет монументальной скульптуры в России.

И что же я вижу сейчас? Вместо подъема — полный упадок. Монументы времен Хрущева, Брежнева меня не устраивают, но их идеологическая предпосылка понятна, и в этом смысле они не оскорбительны. Более того, большинство из них респек-

Балансирующий.

табельно профессиональны. Они правильно поставлены, вписаны в местность. Я всегда выступал против художественных советов, поскольку считал, что коллективное сознание не может создать «Давида» или Сикстинскую капеллу. На сегодняшний день выяснилось, что художественный совет не давал хода великому, но и препятствовал ничтожному. Как-то я напомнил Горбачеву рассказ Чехова о том, как человек сломал зуб и все время трогал его языком. При этом у него было сосредоточенно глубокомысленное лицо. Его карьера пошла успешнее, поскольку на фоне трепачей он выглядел умным молчуном. Безудержная гласность обнаружила беспрецедентное количество дураков среди тех, кого считали умными. Свобода оказалась свободой от принятия каких-либо решений. Наплеватьское отношение к

отражению своего времени в веках есть преступление перед настоящим. И здесь не помогут отдельные, даже грандиозные, сооружения.

Меня всегда интересовал язык культуры не как повествование, а как знак или символ. Терминология для меня не важна, социализм, капитализм, коммунизм, это все пустые слова, первый знаковый сигнал для определения чего-то. Но зато зрительный ряд, возникающий при этом, очень важен. Когда-то я считал, что советскую власть убил человек в штанах, сделанный в бронзе. Тогда я стремился к монументальному творчеству, отвечающему моменту. Сейчас, когда изменился масштаб страны, я делаю ювелирную работу. Я всегда считал, что средний размер не поэтичен, поэтично большое и маленькое. В народных сказках существуют ручища и рученьки, но никогда — рука. Однако сейчас средний размер соответствует моменту. Надо соразмерить скульптуру с человеком, вернуть ее к человеческим чувствам. Важно изображать характерные человеческие состояния — вечные и сиюминутные: страх, отчаяние, грусть, веселье, неуверенность, осторожность. У меня 120 маленьких статуэток — прообразов городских памятников, возле которых будут встречаться влюбленные, играть дети, отдыхать прохожие. Они будут обидены, как сама жизнь, и, как жизнь, затрагивать каждого. Вот, например, «Балансирующий». У него нет одной руки, поэтому ему так трудно сохранить равновесие, устойчивость. Как и самой России. Вот «Выживающий», удерживающий сам себя от распада. Эти состояния трудно выразить словами, но любой глядящий на скульптуру понимает, о чем идет речь. В этих скульптурах запечатлена вся гамма чувств сегодняшней России, но и выражен XX век, как считает Артур Миллер.

Работая над концептом монумента «Кентавр», я стараюсь выразить уникальность нашего времени, в котором мы переживаем трагедию прошлого, боль преодоления оков, сковывавших свободу духа и плоти. Мне кажется,

Призывающий.

этот монумент был бы весьма уместен в Москве, городе духовного обновления и энергичного строительства. Трагедия — Созидание — Вера — вот смысл трех элементов конструкции. Руины у подножия символически представляют хаос, разрушение, смерть. В ночное время они

Кентавр.

должны быть освещены электрической подсветкой, создающей визуальный эффект огненной бездны. Из-под массы косного, трагического вырастает колонна национальной традиции и культуры. На вершине колонны воздвигается символ, звучащий гимном человеку-победителю, объединяющему через мифическое кентавра двуединую сущность плоти и духа, природной стихии и разума, человеческого и животного начала во всем сущем. Смерть покорена, ее маска на голове гиганта расколота, лицо поднято вверх, рука протянута к небу. Памятник задуман так же, как вращающаяся конструкция — солнечные часы. Его ладонь должна указывать на местоположения солнца — конечную символическую цель всякого пути духовной эволюции. Я написал мэру Лужкову несколько писем, но ответа, к сожалению, не получил.

Еще в 1964 году у меня родилась идея «Древа Жизни». Это один из древнейших символов, проходящий через все эпохи, культуры, религии. В Библии «дерево» — синоним «сердца», объединяющий образ человечества, живущего в мире под кроной единого Древа. С моей точки зрения, «Древо Жизни» является прославлением души человека и человеческого знания, призывом к человечеству жить и работать для достижения мира между людьми всех рас, религий и культур. Миниатюру скульптуры президент Ельцин передал в дар ООН от России, и в 1995 году она была установлена в здании ООН в Нью-Йорке. Сейчас я сделал семиметровый макет «Древа» в гипсе. Моя мечта — отлить его в бронзе и представить москвичам в ночь начала XXI века и нового тысячелетия.

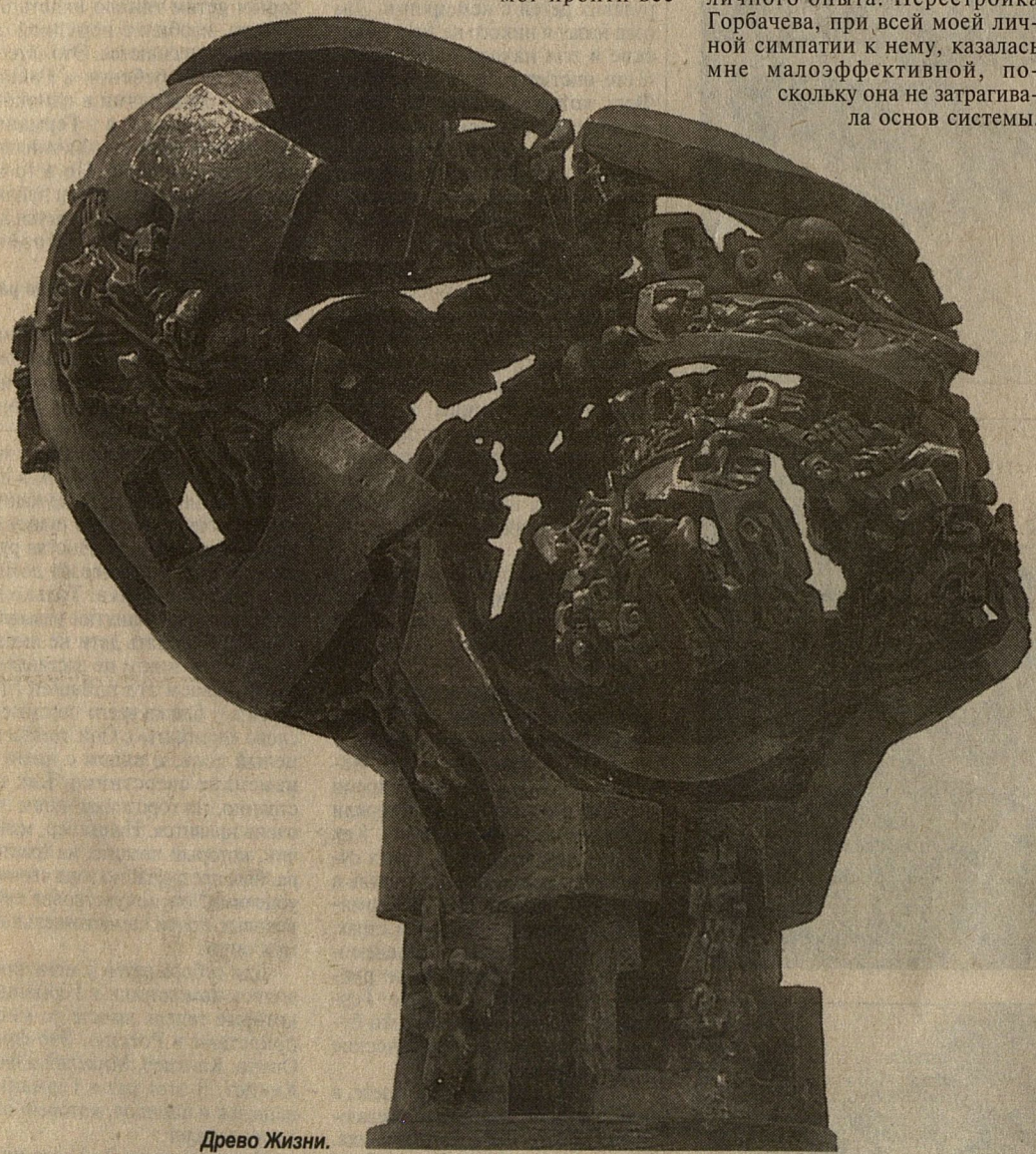
Честно говоря, я не понимаю, что происходит. Если официальные лица государства называют меня — давайте иронически к этому относиться — великим, гениальным, нашим, то почему мне не отвечают даже на письма? Когда я обратился с письмом к Подгорному и он три недели мне не отвечал, я собрал пресс-конференцию и дал интервью в «Корреспонденту»

под названием «Почему я считаю Подгорного дураком». Но сейчас я хочу разобраться — что происходит. То ли изменилось отношение ко мне и я стал слишком «своим», чтобы со мной церемониться, или я ошибся в оценке реальности, и перемены не столь значительны, чтобы отразиться в монументальном искусстве. Если я разозлился, то почему мне в третий раз заказывают оформление российского посольства в Вашингтоне. Потому что я за бесплатно отливлю свои работы стоимостью в миллион долларов? Или власти думают, как Евгений Примаков, сказавший мне, когда мы очень интересно разговаривали в моей мастерской: «Разве демократия с ее стремлением к разнообразию, к свободе может породить знаковую структуру?» Конечно, может, если не понимать свободу как торжество личного вкуса и рассматривать время не как период накопления первичного капитала.

Я делю искусство на жреческое и литургическое. Жреческое обращено к массе, и оно безлично, как были безлики гитлеровские и сталинские монументы. Литургическое обращено к личности, задевая в каждом свою струну. Верность этой теории мне подтвердил генерал КГБ, уговаривавший меня не бунтовать, вести себя смирно. Мы заговорили о скульптуре, и я его спросил: «Вы каждый день ходите мимо памятника Дзержинскому. В какой руке у него фуражка?» Он глубоко задумался, но ответить не смог. «А как сидит Медный всадник?» Он моментально воспроизвел позу Петра. Потом он вызвал своих подчиненных, задавал им этот вопрос, приговаривая, что чекист должен быть наблюдательным.

Генерал может заставить солдат ценить такое искусство. Но солдаты умрут, и уроки забудутся. Только памятники, обращенные к человеческим чувствам, проникнутые тревогами времени, будут жить вечно.

Записала
Ольга ТИМОФЕЕВА
Нью-Йорк — Москва

Древо Жизни.

Забывающие прошлое обречены пережить его вновь

Общая газета, — 1997, — 6-12 марта, с. 16

Эрнст
НЕИЗВЕСТНЫЙ

ЧАШЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ — первое десятилетие в России, не создавшее своего стиля. Над этим стоит задуматься. Ведь значительные исторические события, связанные с жизнью общества, всегда приводят к изменениям его знаковой культуры. Это закон. В первую очередь эти изменения касаются изобразительного искусства, напрямую связанного со знаком, символом. Затем одежды, жестов, обращения друг к другу. Французская революция вышла на улицу в тогах, наполнила новым содержанием плакаты, породила новую символику — флаги, колпаки, длинные брюки санкюлотов. Наполеон не уразднил достижения революции, а только их стабилизировал и узаконил, поэтому и знаковая система, в основном, осталась прежней, но развилась в сторону классицизма. Ленин, несомненно, понимал важность внешних проявлений и формы выражения идеологии, придавал большое значение красоте и яркости празднеств, выразительности памятников. В послереволюционной России над ее знаковой системой работали такие блистательные таланты, как Мейерхольд, Татлин, Шагал. Тем более авангардистов, закладывавших основы городского дизайна, легче совместить с народными представлениями, чем, скажем, салонная поэзия Северянина. Как мы знаем по зловещим результатам, Гитлер был одним из самых крупных мастеров монументальной пропаганды. У Сталина вкус был рептильный, но он отчетливо осознавал, как важно создать мифологию бытия, воплотить в памятниках все достижения Сталинской эпохи. И пока существовала инерция предреволюционного и постреволюционного интеллектуального движения, пока он не уничтожил цвет интеллигенции, способной творить уникальные вещи, знаковая система эпохи выстраивалась с тонким пониманием и размахом. Сталин довел монументальную пропаганду до приказа, сумел втянуть в нее последнего обывателя. Только утвердив свой средний вкус как последнюю инстанцию, он заменил блистательного андреев-

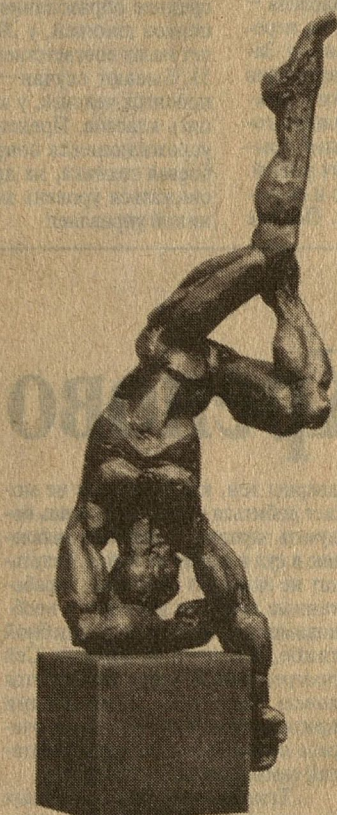
ского Гоголя на Гоголя работы Томского. Я как-то сказал Томскому, что его Гоголь похож на Бенкендорфа. Сталин сменил Гоголя на Бенкендорфа, поэтому воплощением сталинской знаковой системы стала телатнища со счастливым теленком на руках или голова Маркса на площади его имени, в чье лицо заглянуть не приходило на ум ни одному человеку. Как многочасовая речь

Осторожный.

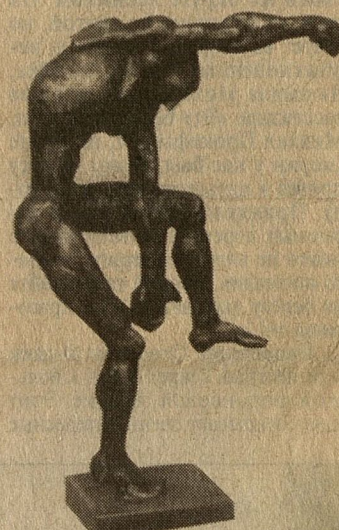
произносилась не для того, чтобы кого-то в чем-то убедить, а чтобы никто не произнес другого слова. Маркс ставился не в подтверждение его величия, а чтобы там не стояло другого. Это искусство с приставкой «не» тогда появилось впервые. Дальше монументальная пропаганда развивалась вместе с развитым социализмом, становясь все эклектичнее, как и сама идеология этого общества.

Когда пришел Горбачев, я вспомнил свои слова, написанные в 1962-м, а напечатанные в 1974 году: «изменения невозможны — изменения неизбежны». Они произойдут как верхушечный переворот, и я надеюсь дожить до времени, когда коммунисты в Кремле запоят «Боже, царя храни». Я выступил как Кассандра, но это было не только интуитивное прозрение. Дело в том, что, будучи скульптором определенной судьбы, я был выгнан из жизни. Но если меня призывали к ней, то делалось это только на самом верху. То есть все заказы, которые я выполнял, были заказами или Брежнева, или Косыгина. Поэтому за один день я мог пройти все

Падающий.

стадии общения, начиная с руководителем государства и кончая проституткой, работавшей у меня натурщицей. И вот, курсируя по обществу, как челнок, я заметил одну важную вещь: недиссидентов в России нет. Большого количества антисоветских речей, что я выслушал среди окружения Хрущева и Брежнева, я не слышал нигде. Нигде в стране я не видел стабильного приятия власти, и для меня, сейсмографа, это создавало ощущение неуравновешенности строя. Поэтому, пророчествуя, я исходил не только из интуиции, но и из личного опыта. Перестройка Горбачева, при всей моей личной симпатии к нему, казалась мне малоэффективной, поскольку она не затрагивала основ системы.

Измеряющий.

му только потому, что спасал от смерти детей начальства, и начальство закрывало на него глаза, как на неисправимого болтуна, пьяницу, картежника. Он был спецом из уничтоженного института спецов. Я всегда хотел быть таким спецом. У меня никогда не было диссидентского сознания. Ведь диссиденты — продолжатели марксистской диалектики. Маркс был гениальным критиком капиталистической системы, но футурологом он был безобразным, его позитивная программа была никудышной. Диссидентское мышление породило то, что я называю племенем «не», племенем отрицания. Дети марксистского мировоззрения, диссиденты разделили общество по горизонтали — плохая власть, отвратительный КГБ, образованщина, а вот здесь страдающий народ. Эта схема абсолютно не годится для реальной жизни, поэтому советское общество еще ждет своего настоящего исследования.

Мне ближе пафос созидания. Я не принимал этого общества, но никогда не сводил с ним счеты. Скульптор не может быть бунтарем, он строитель. Скульптор всегда обслуживает власть религиозную, политическую, денежную. Я никогда не выступал против системы, я выступал за право работать хорошо и всегда отстаивал человеческое достоинство. И в этом уже был кризис. Помню, мне помощник Сулова передал как-то его слова: дескать, он хороший парень, но ребята, посмотрите, как он ходит по ЦК! Они не могли простить даже другую похвалу. Неудивительно, что они не принимали моего творчества. У меня

уничтожено 250 работ. Москва — это моя гробница. Мой 15-метровый Прометей, не уступающий «Рабочему и колхознице», разрезан автогенном. Работа «Первые крылья», которая должна была стоять перед академией Фрунзе, уничтожена. На моем фундаменте в Зеленограде поставили Ленина, а работу, над которой я трудился семь лет, разломали. Россия должна платить мне репарации.

Но мне не это важно. Важно то, что под моим монументом в Магадане люди плачут, на мой памятник в Элисте молятся, около «Золотого дитя» в Одессе справляют свадьбы. Ко мне ходят на улицы и просят автограф, из провинции приезжают люди, мне звонят, коллекционируют даже мои пьяные рисунки на салфетках. Я не социолог, но все-таки могу предположить, что хотя бы часть общества нуждается в моих работах, готова воспринять то, что я вынес из всей моей жизни. Когда я разговаривал с Борисом Николаевичем, мне показалось, что он понимает связь исторических перемен с художественным их осмыслением и воплощением. Мои награды я расценивал в первую очередь как знак этого понимания, как надежду на расцвет монументальной скульптуры в России.

И что же я вижу сейчас? Вместо подъема — полный упадок. Монументы времен Хрущева, Брежнева меня не устраивают, но их идеологическая предпосылка понятна, и в этом смысле они не оскорбительны. Более того, большинство из них уважительно относятся к своему времени. Смерть покорена, ее маска на голове гиганта расколота, лицо поднято вверх, рука протянута к небу. Памятник задуман так же, как вращающаяся конструкция — солнечные часы. Его ладонь должна указывать на местоположение солнца — конечную символическую цель всякого пути духовной эволюции. Я написал мэру Лужкову несколько писем, но ответа, к сожалению, не получил.

Еще в 1964 году у меня родилась идея «Древа Жизни». Это один из древнейших символов, проходящий через все эпохи, культуры, религии. В Библии «древо» — синоним «сердца», объединяющий образ человека, живущего в мире под кроной единого Древа. С моей точки зрения, «Древо Жизни» является прославлением души человека и человеческого знания, призывом к человечеству жить и работать для достижения мира между людьми всех рас, религий и культур. Миниатюру скульптуры президент Ельцин передал в дар ООН от России, и в 1995 году она была установлена в здании ООН в Нью-Йорке. Сейчас я сделал семиметровый макет «Древа» в гипсе. Моя мечта — отлить его в бронзе и представить москвичам в ночь начала XXI века и нового тысячелетия.

Честно говоря, я не понимаю, что происходит. Если официальные лица государства называют меня — давайте иронически к этому относиться — великим, гениальным, нашим, то почему мне не отвечают даже на письма? Когда я обратился с письмом к Полторному и он три недели мне не отвечал, я собрал пресс-конференцию и дал интервью в «Корреспонденту».

Этот монумент был бы весьма уместен в Москве, городе духовного обновления и энергичного строительства. Трагедия — Созидание — Вера — вот смысл трех элементов конструкции. Руины у подножия символически представляют хаос, разрушение, смерть. В ночное время они

отражению своего времени в веках есть преступление перед настоящим. И здесь не помогут отдельные, даже грандиозные, сооружения.

Меня всегда интересовал язык культуры не как повествование, а как знак или символ. Терминология для меня не важна, социализм, капитализм, коммунизм, это все пустые слова, первый знаковый сигнал для определения чего-то. Но зато зрительный ряд, возникающий при этом, очень важен. Когда-то я считал, что советскую власть убил человек в штанах, сделанный в бронзе. Тогда я стремился к монументальному творчеству, отвечающему моменту. Сейчас, когда изменился масштаб страны, я делаю ювелирную работу. Я всегда считал, что средний размер не поэтичен, поэтично большое и маленькое. В народных сказках существуют рунчища и рученьки, но никогда — рука. Однако сейчас средний размер соответствует моменту. Надо соизмерить скульптуру с человеком, вернуть ее к человеческим чувствам. Важно изображать характерные человеческие состояния — вечные и сиюминутные: страх, отчаяние, грусть, веселье, неуверенность, осторожность. У меня 120 маленьких статуэток — прообразов городских памятников, возле которых будут встречаться влюбленные, играть дети, отдыхать прохожие. Они будут обидены, как сама жизнь, и, как жизнь, затрагивать каждого. Вот, например, «Балансирующий». У него нет одной руки, поэтому ему так трудно сохранять равновесие, устойчивость. Как и самой России. Вот «Выживающий», удерживающий сам себя от распада. Эти состояния трудно выразить словами, но любой глядящий на скульптуру понимает, о чем идет речь. В этих скульптурах запечатлена вся гамма чувств сегодняшней России, но и выражена XX век, как считает Артур Миллер.

Работая над концептом монумента «Кентавр», я стараюсь развить уникальность нашего времени, в котором мы переживаем трагедию прошлого, боль преодоления оков, сковывавших свободу духа и плоти. Мне кажется,

должны быть освещены электрической подсветкой, создающей визуальный эффект огненной бездны. Из-под массы косного, трагического вырастает колонна национальной традиции и культуры. На вершине колонны воздвигается символ, звучащий гимном человеку-победителю, объединяющему через мифическое кентавра двусущную сущность плоти и духа, природной стихии и разума, человеческого и животного начала во всем сущем. Смерть покорена, ее маска на голове гиганта расколота, лицо поднято вверх, рука протянута к небу. Памятник задуман так же, как вращающаяся конструкция — солнечные часы. Его ладонь должна указывать на местоположение солнца — конечную символическую цель всякого пути духовной эволюции. Я написал мэру Лужкову несколько писем, но ответа, к сожалению, не получил.

Еще в 1964 году у меня родилась идея «Древа Жизни». Это один из древнейших символов, проходящий через все эпохи, культуры, религии. В Библии «древо» — синоним «сердца», объединяющий образ человека, живущего в мире под кроной единого Древа. С моей точки зрения, «Древо Жизни» является прославлением души человека и человеческого знания, призывом к человечеству жить и работать для достижения мира между людьми всех рас, религий и культур. Миниатюру скульптуры президент Ельцин передал в дар ООН от России, и в 1995 году она была установлена в здании ООН в Нью-Йорке. Сейчас я сделал семиметровый макет «Древа» в гипсе. Моя мечта — отлить его в бронзе и представить москвичам в ночь начала XXI века и нового тысячелетия.

Честно говоря, я не понимаю, что происходит. Если официальные лица государства называют меня — давайте иронически к этому относиться — великим, гениальным, нашим, то почему мне не отвечают даже на письма? Когда я обратился с письмом к Полторному и он три недели мне не отвечал, я собрал пресс-конференцию и дал интервью в «Корреспонденту».

Кентавр.

должны быть освещены электрической подсветкой, создающей визуальный эффект огненной бездны. Из-под массы косного, трагического вырастает колонна национальной традиции и культуры. На вершине колонны воздвигается символ, звучащий гимном человеку-победителю, объединяющему через мифическое кентавра двусущную сущность плоти и духа, природной стихии и разума, человеческого и животного начала во всем сущем. Смерть покорена, ее маска на голове гиганта расколота, лицо поднято вверх, рука протянута к небу. Памятник задуман так же, как вращающаяся конструкция — солнечные часы. Его ладонь должна указывать на местоположение солнца — конечную символическую цель всякого пути духовной эволюции. Я написал мэру Лужкову несколько писем, но ответа, к сожалению, не получил.

Еще в 1964 году у меня родилась идея «Древа Жизни». Это один из древнейших символов, проходящий через все эпохи, культуры, религии. В Библии «древо» — синоним «сердца», объединяющий образ человека, живущего в мире под кроной единого Древа. С моей точки зрения, «Древо Жизни» является прославлением души человека и человеческого знания, призывом к человечеству жить и работать для достижения мира между людьми всех рас, религий и культур. Миниатюру скульптуры президент Ельцин передал в дар ООН от России, и в 1995 году она была установлена в здании ООН в Нью-Йорке. Сейчас я сделал семиметровый макет «Древа» в гипсе. Моя мечта — отлить его в бронзе и представить москвичам в ночь начала XXI века и нового тысячелетия.

Честно говоря, я не понимаю, что происходит. Если официальные лица государства называют меня — давайте иронически к этому относиться — великим, гениальным, нашим, то почему мне не отвечают даже на письма? Когда я обратился с письмом к Полторному и он три недели мне не отвечал, я собрал пресс-конференцию и дал интервью в «Корреспонденту».

Этот монумент был бы весьма уместен в Москве, городе духовного обновления и энергичного строительства. Трагедия — Созидание — Вера — вот смысл трех элементов конструкции. Руины у подножия символически представляют хаос, разрушение, смерть. В ночное время они

под названием «Почему я считаю Подгорного дураком». Но сейчас я хочу разобраться — что происходит. То ли изменилось отношение ко мне и я стал слишком «своим», чтобы со мной церемониться, или я ошибся в оценке реальности, и перемены не столь значительны, чтобы отразиться в монументальном искусстве. Если я разочарован, то почему мне в третий раз заказывают оформление российской посольства в Вашингтоне. Потому что я за бесплатно отливаю свои работы стоимостью в миллион долларов? Или власти думают, как Евгений Примаков, сказавший мне, когда мы очень интересно разговаривали в моей мастерской: «Разве демократия с ее стремлением к разнообразию, к свободе может породить знаковую структуру?» Конечно, может, если не понимать свободу как торжество личного вкуса и рассматривать время не как период накопления первичного капитала.

Я делю искусство на жреческое и литургическое. Жреческое обращено к массе, и оно безлично, как были безлики гитлеровские и сталинские монументы. Литургическое обращено к личности, задевая в каждом свою струну. Верность этой теории мне подтвердил генерал КГБ, уговаривавший меня не бунтовать, вести себя смиренно. Мы заговорили о скульптуре, и я его спросил: «Вы каждый день ходите мимо памятника Дзержинскому. В какой руке у него фуражка?» Он глубоко задумался, но ответить не смог. «А как сидит Медный всадник?» Он моментально воспроизвел позу Петра. Потом он вызвал своих подчиненных, задавал им этот вопрос, приговаривая, что чекист должен быть наблюдательным.

Генерал может заставить солдат пинить такое искусство. Но солдаты умрут, и уроки забудутся. Только памятники, обращенные к человеческим чувствам, проникнутые тревогами времени, будут жить вечно.

Записала
Ольга ТИМОФЕЕВА
Нью-Йорк — Москва

Древо Жизни.